

МАГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И ПСИХОТЕРАПИЯ

М. С. Чертищев

Казанский государственный медицинский университет

Кафедра общей и медицинской психологии с курсом педагогики

Аннотация. В статье приводится краткий обзор исследований феномена магического мышления; также приводятся исследования, доказывающие общность внушения, основанного на магическом мировосприятии, и внушения, использующегося в психотерапии. Магическое мышление рассматривается как одна из форм саморегуляции (как разновидность самовнушения) и как особый тип психологических защит, который может быть представлен как в конструктивной, так и в деструктивной форме.

Ключевые слова: магическое мышление, пралогическое мышление, суеверие, психологическая защита, партиципация, внушение, самовнушение, саморегуляция, психотерапия.

В настоящее время феномен магического мышления достаточно распространен среди населения, в связи с этим возникают вопросы о норме и о том, как следует поступать с ним в рамках психотерапии. Существует достаточно много исследований о связи магического мышления с обсессивно-компульсивным расстройством, в рамках которого магические ритуалы как вариант компульсивного поведения рассматриваются в качестве способа справиться с тревогой. В связи с этим особый интерес представляет вопрос о связи магического мышления с саморегуляцией.

Магическое мышление, согласно общепринятому в научной литературе определению, это убеждение, что посредством символических физических и/или умственных действий можно оказывать значительное или решающее влияние на подлинные причины происходящего в действительности; либо убеждение, что мышление приравнивается к действию.

Одними из первых, кто пытался дать психологическое объяснение феномену магического мышления, были представители так называемой английской антропологической школы. Ее известный представитель Джордж Фрейзер в своей работе «Золотая ветвь» выделяет два принципа, на которых основано магическое мышление. Согласно первому, подобное производит подобное или следствие похоже на свою причину. Второй принцип — вещи, которые однажды пришли в соприкосновение друг с другом, продолжают взаимодействовать на расстоянии после прекращения прямого контакта. Первый принцип Фрейзер называет законом подобия, а второй — законом соприкосновения или заражения. На основе этих двух принципов автор выделяет два вида магии: имитативная и контагиозная. Также Фрейзер отмечает: «Если верен наш анализ магической логики, то два ее основных принципа оказываются просто двумя способами злоупотребления связью

идей. Имитативная магия основывается на связи идей по сходству; контагиозная магия основывается на связи идей по смежности».

Другой представитель этой же школы, Эдуард Тайлор, пишет: «По мере того как социальное развитие мира идет вперед, самые важные воззрения и действия могут мало-помалу становиться простыми пережитками. Первоначальное их значение постепенно выветривается, каждое поколение все меньше и меньше помнит его, пока наконец оно совершенно не исчезает из памяти народа. Тайноведение зиждется на ассоциации идей — способности, которая лежит в самом основании «человеческого разума, но в немалой степени также и человеческого неразумия. В этом ключ к пониманию магии. Человек еще в низшем умственном состоянии научился соединять в мысли те вещи, которые он находил связанными между собой в действительности. Однако в дальнейшем он ошибочно извратил эту связь, заключив, что ассоциация в мысли должна предполагать такую же связь и в действительности».

Таким образом, для представителей английской антропологической школы характерен принцип эмпиризма, согласно которому всё, что существует в сознании человека, является результатом пережитого опыта. Вторая характерная особенность этой школы — эволюционизм. Представители этого направления считали, что мышление первобытного человека по сути ничем не отличается от современного. Причина же распространенности магических представлений — простое невежество, то есть недостаточное количество информации для объяснения явлений природы и ее законов. Именно поэтому в сознании первобытных людей и возникают ошибочные связи между предметами и явлениями, которые могут ассоциироваться по принципам похожести и соприкосновения.

Второе направление в изучении феномена магического мышления можно выделить в работах известного немецкого психолога Вильгельма Вундта. Вундт выделяет особую характеристику мышления, его «оживляющее свойство» по отношению к воспринимаемым объектам и явлениям. Автор называет это свойство мифологической апперцепцией. Особую организацию магического мышления он связывает с эмоциональной сферой. Внешние объекты, по Вундту, могут настолько сильно раздражать человеческое восприятие, что вызывают мощное высвобождение аффекта, и вместе с этим аффект переносится на сам объект и делает его как бы «живым», «олицетворенным». Таким образом ощущения от объектов становятся свойствами самих объектов. Более развитой формой апперцепции Вундт называет эстетическую, при которой также сохраняется проекция аффекта на объект, но в этом случае уже господствует объективное наглядное представление.

Следующим значимым направлением в исследовании феномена магического мышления являются работы французской социологической школы. Наибольшее значение здесь имеют исследования известного антрополога Люсьена Леви-Брюля. В отличие от Тайлора и английской антропологической школы, Леви-Брюль считал, что магическое мышление является не просто следствием недостаточных знаний первобытных людей, их заблуждений и примитивной попыткой объяснить явления окружающего мира. Леви-Брюль впервые стал описывать исследуемый феномен как особую форму

организации мышления. Согласно его концепции, каждому типу общества соответствует свой особый тип мышления, определяемый коллективными представлениями данного общества. С точки зрения Тайлора и английской школы, организация мышления современного человека и древнего не отличаются, магические представления являются только лишь следствием заблуждения древних людей. Леви-Брюль считает, что организация мышления древних людей и современных принципиально отличны.

В своей теории Леви-Брюль основывается на исследованиях двух более ранних авторов, в частности Теодюля Рибо и Генриха Майера. Рибо в своей работе «Логика чувствований» вводит понятие «аффективное рассуждение». Рибо пишет, что «у нас есть возможность наблюдать современных дикарей, считаемых похожими на первобытных людей. Наблюдения показывают, что у них логические способности находятся на очень низком уровне, дикари не способны к абстракции и с большим трудом соединяют понятия, в зависимости от объективных отношений. Но они способны к практическому мышлению, слагающемуся на основе перцепции и образов, средних терминов, приводящих к желаемому результату, то есть к заключению». Согласно Рибо, существует два вида логики — эмоциональная, более примитивная, и рациональная. В древности у первобытных людей преобладал первый вид логики, рациональная же формируется в дальнейшем на основе накапливаемого опыта. Автор отмечает, что эмоциональная форма логики, несмотря на ее ненадежность и примитивность, актуальна до сих пор. Это происходит потому, что рациональная логика, согласно Рибо, не может охватить всю область человеческого познания и действия. Он пишет: «У человека существует непреодолимая потребность знать некоторые вещи, которые разум не может постигнуть, повлиять на некоторых людей, воздействовать на некоторые вещи, а логика не указывает нам необходимых для этого способов. Словом, логика чувств служит человеку во всех тех случаях, когда ему нужно вывести или подтвердить какое-либо заключение теоретически или практически и когда он не может или не хочет употреблять приемы рационального мышления».

Основной принцип эмоциональной логики — это принцип конечности. То есть рациональное рассуждение стремится к заключению, а эмоциональное — к цели, оно преследует не истину, а практический результат и действует в этом направлении. Майер, как и Рибо, в своей работе «Психология эмоционального мышления» пишет, что сам процесс познания в актах эмоционального мышления как бы затеняется, отодвигается на второй план и даже выступает в качестве побочного действия. Основное внимание в данном случае сосредоточено на некоторой практической цели: «в сужающемся и эмоциональном мышлении наблюдаются сходные логические процессы (истолкование, объективирование, деятельность категориального аппарата). Однако объективирование в актах аффективного мышления иллюзорно, поскольку образы фантазии относятся к вымышленной действительности. В этой ситуации действует механизм "аффективного самовнушения"». То есть все те операции мышления, которые характерны и для рациональной логики, имеют место быть в эмоциональном мышлении, однако они подчиняются достижению некой цели, которая в той или иной степени аффективно

заряжена, что и определяет направление мыслительной деятельности, делая ее необъективной.

Основываясь на работах Майера и Рибо, Леви-Брюль пытается выстроить собственную теорию, объясняющую организацию магического мышления. Леви-Брюль подмечает характерные особенности указанного феномена. Одна из особенностей — это принцип «после того — значит вследствие того», то есть для мистического первобытного сознания характерно неправильное использование принципа причинности, в частности носители магических представлений ассоциируют явления по принципу последовательности во времени, а не по истинным причинно-следственным связям. Однако исследователь отмечает, что данное условие характерно, но недостаточно для объяснения принципа организации магического мышления. Отмечается также, что при построении магических причинно-следственных связей не замечаются более очевидные последовательности. Например, у некоторых примитивных народов смерть объясняется влиянием колдовских сил, при том что ран, полученных умершим, вполне достаточно для объяснения этой смерти. Мистическое мышление примитивных народов мало проницаемо для опыта, но при этом наводнено самыми разными коллективными представлениями. Основной принцип организации магического мышления Леви-Брюль называет законом партиципации, то есть сопричастности между существами и предметами, ассоциированными коллективными представлениями. Основной действующей силой при создании подобной сопричастности в рамках коллективных представлений является аффект. Сопричастность (партиципация) может осуществляться в разных формах: соприкосновение, перенос, симпатия и т. д. Автор, принципиально различая организации мышления древнего и современного человека, называет магическое мышление пралогическим, то есть таким, для которого логика не имеет существенного значения, хотя и присутствует в нем. Самое важное в этой форме мышления — это партиципация, то есть сопричастность различных явлений и предметов друг другу, определяемая коллективными представлениями конкретного общества. Пралогическое мышление является по своей сущности синтетическим. Но в отличие от логического, оно оперирует не синтезами, являющимися следствием предварительного анализа, а наоборот, «связи представлений обычно даны с самими представлениями». Синтезы в первобытном мышлении почти всегда оказываются неразложимыми. Именно поэтому магическое мышление может быть нечувствительно и непроницаемо для опыта и невосприимчиво к противоречиям. «Коллективные представления не фигурируют в первобытном мышлении изолированно. Они не анализируются в нем для того, чтобы быть расположенными затем в логическом порядке. Они даны всегда в известной связи в предвосприятиях, предпонятиях, предассоциациях и, почти можно сказать, в предрассуждениях: это мышление именно оттого, что оно — мистическое, является и пралогическим» (Леви-Брюль).

Магическое мышление составляют мистические комплексы, в которых эмоциональные элементы управляют самой мыслью, не позволяют ей существовать как бы в чистом виде. Для первобытного мышления не существует голого объективного факта. Всякий объект восприятия, как обычный, так и необычный, вызывают более или менее сильную эмоцию.

Характер эмоции же определяется традициями, то есть коллективными представлениями. Леви-Брюль считает, что для первобытных людей характерна «социализированность» эмоций, за исключением узко индивидуальных эмоций, которые являются непосредственной реакцией организма. Таким образом, под влиянием определяемых коллективными представлениями эмоций направляющая сила партиципации определяет процессы абстрагирования и обобщения, формируя магическое толкование тех или иных явлений.

Субботский Е. В. обобщает исследования магического мышления, проводимые ранее различными авторами. Он выделяет четыре основных класса событий, рассматривающийся в научной литературе, как проявления магического: первый тип — это прямое воздействие сознания на материю, такое как перемещение или сотворение физических объектов чистым усилием воли. Второй тип — это внезапное приобретение спонтанности (способности к чувствам или действиям) неодушевленными физическими объектами. Третий тип магии включает нарушение фундаментальных физических законов перманентности объекта, когда физический объект внезапно меняет свою форму, появляется из ничего или бесследно исчезает из мира (магия неперманентности). Наконец, широко распространенные верования в то, что некие объекты (камни, черепа) или действия (скрестить пальцы, постучать по дереву) приносят удачу или влияют на ход внешних событий, составляют сущность четвертого типа магии. Также существуют их различные комбинации.

Субботский приводит данные исследования, основной гипотезой которого является установление сходства между магическим внушением и обычным внушением, используемым в том числе и в психотерапии. Описываемое им исследование состояло из двух экспериментов. В первом эксперименте участвовали взрослые испытуемые и дети 6–9 лет. Перед проведением эксперимента взрослых и детей тестировали на предмет понимания различий между магией и обычным фокусом. Далее, в эксперимент допускались только те испытуемые, которые понимали магию как явление, нарушающее фундаментальные физические законы. В ходе эксперимента испытуемых просили вообразить определенный объект (например голубой карандаш) и удерживать его в сознании. После этого экспериментатор пытался «изменить» его в сознании испытуемых двумя способами: 1) прямой просьбой изменить объект (например превратить карандаш в ящерицу), 2) при помощи двух видов внушения: магического (экспериментатор произносил магическое заклинание, нацеленное на превращение карандаша в ящерицу) и обычного (испытуемому говорилось, что карандаш может превратиться в ящерицу против их воли). Затем эффективность суггестивного воздействия оценивалась в баллах по двум признакам механизма партиципации: 1) действие в соответствии с внушенной идеей, 2) осознание испытуемым насильственного характера этого действия. Оказалось, что и магическое, и обычное внушение одинаково часто приводило к непровольному изменению объекта. Таким образом, можно утверждать, что в основе обоих типов внушения лежит один и тот же механизм: партиципация; и оба типа внушения одинаково эффективны при воздействии на сознание испытуемых. При этом воображаемые объекты должны были удовлетворять следующим критериям: 1) испытуемые должны были быть

уверенными в том, что магическое заклинание может сверхъестественным образом повлиять на объект, 2) природа воображаемого объекта должна быть такова, что испытуемый мог контролировать свои действия по отношению к нему.

Во втором эксперименте исследовались особенности магического и обычного внушения в отношении лично значимых объектов. В ходе этого эксперимента испытуемым предлагали вообразить их будущую жизнь. Далее на этот воображаемый объект пытались подействовать путем магического и обычного внушения. В эксперименте с магическим внушением испытуемым предлагали вообразить, что к ним на улице подошла женщина, представившаяся ведьмой, и предложила наложить на их судьбу магическое заклинание. В одном случае это было позитивное заклинание (желательный результат), а в другом случае это была злая ведьма, предлагающая наложить дурное заклятие (нежелательный результат). В эксперименте с обычным внушением испытуемым показывали ряд цифр на экране компьютера, при этом объясняли, что каждая из цифр обозначает какую-то проблему в их будущей жизни. Далее предлагали вообразить, что если экспериментатор уберет ряд цифр с экрана, то количество проблем уменьшится (желательный результат), а если наоборот, добавит, то увеличится (нежелательный результат). И в первом, и во втором случае испытуемым задавали вопрос, согласятся ли они на данную манипуляцию или отвергнут ее. Затем испытуемых спрашивали, действительно ли сделанные манипуляции могут повлиять на их будущую жизнь. В результате этого эксперимента испытуемые отрицали возможность воздействия на их судьбу как магического заклинания, так и изменения количества цифр на экране, при этом в своих действиях продемонстрировали веру в эту возможность. В случае с желательным результатом распределение отрицательных и положительных ответов было примерно одинаковым, когда как при нежелательном результате абсолютное большинство испытуемых запрещали проделывать манипуляции. Данный эксперимент, как и предыдущий, показали одинаковую эффективность магического и обычного внушения. Это еще раз подтверждает тот факт, что оба типа внушения имеют одни и те же психологические механизмы, в основе которых лежит феномен партиципации. Субботский пишет: «суггестивные техники убеждения, используемые в религиозных, политических, психотерапевтических и коммерческих практиках, сегодня могут рассматриваться как исторические преемники магических практик манипуляции массовым сознанием. (...) Это также означает, что водораздел, существующий между так называемым «архаичным» (примитивным) и логическим мышлением (о котором писал Леви-Брюль и ряд других авторов), сильно преувеличен (...). Как архаичная, так и современная ментальность основаны на одних и тех же психологических механизмах коммуникации».

То, что действительно может серьезно меняться со временем, это коллективные представления.

Неоднозначным остается вопрос о соотношении феномена магического мышления с понятиями нормы и патологии. Нет однозначного понимания того, как следует поступать с магическим мышлением в рамках психологического консультирования и психотерапии.

Общеизвестно, что многие техники психотерапии основаны на внушении и представляют собой внедрения определенных сообщений в сознание клиента за счет редукции его способности к сознательному критическому мышлению. Подобные техники используются психотерапевтами достаточно давно.

Есть исследования, согласно которым гипнабельность и внушаемость положительно коррелируют со склонностью к вере в паранормальное. Таким образом, магическое мышление искажает реальность, но при этом является способом стабилизации психического состояния, и в связи с этим всегда использовалось шаманами и колдунами, а в наше время — даже психотерапевтами, использующими суггестивные техники.

Особой формой суггестии является самовнушение, которое часто рассматривается как один из способов саморегуляции.

Самовнушение — это методика внушения каких-то мыслей, желаний, образов, ощущений, состояний себе самому (Б. Д. Карвасарский, 2000). Существует множество психотерапевтических техник, основанных на самовнушении (по А. Ромену, по В. Бехтереву, по Э. Куэ и др.). Самовнушение, как и суггестия в целом, обладает терапевтическими эффектами. Что касается использования магического самовнушения в качестве способа саморегуляции, то различные системы коллективных представлений давно вобрали в себя такие способы и исторически они имели место быть во все времена. Известно, что вера во всевозможные приметы и применение ритуалов сильно активизируются в наиболее тревожные, переломные моменты жизни людей: на свадьбах, похоронах, при переезде в новый дом, во время экзаменов и т. д.; когда даже не отличающиеся суеверностью люди стараются «соблюсти традиции». В этих ситуациях суеверия и магические ритуалы являются своеобразным способом саморегуляции, укорененном в традициях и обычаях. Именно в такие моменты наиболее четко можно проследить проявление той самой «социализированности» эмоций, о которой писал Леви-Брюль.

Многие исследователи рассматривают магическое мышление и его разнообразные проявления как особую форму психологических защит (которые имеют похожие свойства; в той или иной степени, искажая реальность, способствуют стабилизации внутреннего состояния).

Понятие психологической защиты противоречиво, общего определения этого феномена, как и общей концепции, объясняющей его, в настоящее время не существует. Многие авторы рассматривают его как патологический, как неадекватный способ адаптации, ослабляющий реальный контакт личности со средой. Другие же рассматривают его как необходимый способ сохранения позитивного образа «Я» личности и переживания фрустрирующей ситуации.

В психотравмирующей ситуации защитные механизмы выступают в роли своеобразных фильтров; дезорганизуемая информация или игнорируется, или искажается, или

подменяется другой, более приемлемой (что происходит и при использовании магического мышления).

Существует ряд исследований, которые показывают, что система психологических защит у разных людей неодинакова. У одних она слабо выражена и «не сохраняет от того, от чего надо защищать», у других же настолько сильна, что не воспринимается необходимая для личностного развития информация.

Исследований, рассматривающих магическое мышление как психологическую защиту, не так много. Исследования Стояновой И. Я., направленные на сравнение магического мышления у здоровых лиц и у пациентов, страдающих расстройствами невротического круга, а также у лиц с зависимостями, показывают, что у здоровых магическое мышление является не только защитным механизмом, но и становится одной из стратегий совладающего поведения, когда как у страдающих непсихотическими расстройствами оно имеет узкую защитную направленность.

Вопрос о том, как следует поступать с магическим мышлением у пациента и клиента, нужно решать в зависимости от его свойств как психологической защиты или формы совладания.

В связи с разной степенью выраженности психологических защит и различной степенью их влияния на взаимодействие личности со средой, существовало множество попыток классифицировать психологические защиты как нормальные и патологические, конструктивные и деструктивные. А. Маслоу критериями конструктивности реакций считал обусловленность требованиям социальной среды, направленность на решения конкретных проблем, осознанность мотивации и поведения. Деструктивные же реакции не осознаны и направлены на устранение дискомфорта, а не на решение конкретных задач. Защитные реакции Маслоу в целом считал неконструктивными. Ф. Крамер разделял психологические защиты на примитивные и высшие, в зависимости от времени появления в развитии. Примитивные защиты появляются в раннем возрасте и связаны с инстинктами, высшие же включаются позже при своевременном социальном развитии индивида и замещают примитивные. Согласно Б. Зейгарник, конструктивность психологической защиты определяет степень ее осознанности. Деструктивность неосознаваемых психологических защит связана с тем, что система защиты, помимо сознания, определяет поведение человека, которое вследствие этого может расходиться с требованиями ситуации. Л. Гребенников также считал, что осознанность защиты также является критерием ее конструктивности. Р. Плутчик классифицировал психологические защиты по критерию «примитивности — зрелости». Он, как и ряд других авторов, связывал конструктивность психологических защит с нормативностью (использованием в пределах среднестатистических показателей группы, к которой принадлежит индивид). В. Каменская считала, что помимо соответствия требованиям социальной среды и адекватности ситуации, важным критерием конструктивности является гибкость использования защит. Если индивид использует только один способ психологической

защиты, то это приводит к ригидности в поведении и однотипному реагированию в разных ситуациях, требующих разных типов реакций.

В. Долгова, резюмируя ряд более ранних исследований, выделяет ряд условий, определяющих конструктивность психологической защиты.

Индивидуально-личностные условия:

1. Гибкость использования психологической защиты (человек должен обладать определенным набором психологических защит, не прибегая к ригидному использованию одного-двух механизмов);
2. Умеренная частота использования психологической защиты.

Ситуативные условия:

1. Осознание факта использования психологической защиты и преодоление ее через анализ своих поступков и действий;
2. Переключение на адаптивные действия незащитного характера;
3. Отказ от применения защит за счет смягчения обстоятельств.

Если рассматривать магическое мышление в контексте понятия психологической защиты, то вопрос о том, как выглядят его конструктивный и деструктивный варианты, требует отдельных исследований. Можно предположить, что признаками конструктивности в случае магических представлений должны быть: соответствие этих представлений культурной среде, в которой живет индивид (критерий ответа требованиям социальной среды); они должны умеренно использоваться, должна иметь место способность пересмотреть подобные представления, а также осознанность того факта, что магические представления или действия носят защитный характер. В зависимости от формы магического мышления, его конструктивности или деструктивности, необходимо выстраивать определенную психотерапевтическую тактику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байрамова Э. Э., Ениколопов С. Н. Адаптация методики определения уровня магического мышления М. Экблада и Л. Дж. Чапмана на русскоязычной выборке // Психиатрия. 2016. № 1.
2. Байрамова Э. Э., Ениколопов С. Н. Исследование магического мышления у лиц с эндогенными психическими заболеваниями // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика: электрон. науч. журн. 2016. № 4.

3. Битянова Н. Р. Проблема саморазвития личности в психологии. М.:Флинта, 1998. 46 с.
4. Богомолов А. М. Структурно-динамические свойства системы психологической защиты у детей подросткового возраста: дис. канд. психол. наук. Кемерово, 2005. 245 с.
5. Братусь Б. С., Зейгарник Б. В. Очерки по психологии аномального развития личности. М., 1992. 192 с.
6. Гребенников Л. Р. Механизмы психологической защиты: дис. канд. психол. наук. М., 1994. 196 с.
7. Дмитриева Т. Б., Положий Н. С. Социальная психиатрия // Психиатрия: национальное руководство / под ред. Т. Б. Дмитриевой, В. Н. Краснова, Н. Г. Незнанова, В. Я. Семке, А. С. Тиганова. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2011. С. 147–149. 1000 с.
8. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. СПб.: Речь, 2004. 304 с.
9. Ениколопов С. Н., Лебедев С. В. Адаптация методик исследования посттравматических стрессовых расстройств. Психологическая диагностика, 2004, № 3, 19–38.
10. Жмуров В. А. Большая энциклопедия по психиатрии, 2-е изд., 2012 г.
11. Зеер Э. Ф., Шахматова О. Н. Личностно-ориентированные технологии профессионального развития специалиста. Екатеринбург: Изд-во Урал. Гос. Проф. Пед. ун-та, 1999. 245 с.
12. Каменская В. Г., Зверева С. В. Возрастные и гендерные особенности системы психологических защит // Психол. журнал. 2005. № 4. С. 77–88.
13. Карагодина Е. Г. Социальные и индивидуальные аспекты современного мистического мышления (по материалам исследования целителей-экстрасенсов) // Социальная и клиническая психиатрия. 1997. Т. 7, № 3. С. 67–89.
14. Королёва Е. Г. Деонтология в психиатрии: Учебно-методическое пособие. Гродно: УО «ГрГМУ», 2009. С. 25–26. 99 с. ISBN 978-985-496-436-2.
15. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М.: Атеист, 1930.
16. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1985.
17. Оксфордский толковый словарь по психологии / Под ред. А. Ребера, 2002 г.

18. Психиатрия: учебник для студ. мед. вузов / Коркина М. В., Лакосина Н. Д., Личко А. Е. [и др.]. 3-е изд. М.: МЕДпресс-информ, 2006. 576 с.
19. Розин В. М. Культура и психическое развитие человека // Вопросы психологии. 1988. № 3. С. 123–131.
20. Руководство по социальной психиатрии / Под ред. Т. Б. Дмитриевой, Б. С. Положего. 2-е изд. М.: ООО «Медицинское информационное агентство», 2009. 544 с.
21. Стоянова И. Я. Пралогическое мышление у пациентов непсихотического спектра // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2005. № 3. С. 57–81.
22. Стоянова И. Я., Семке В. Я., Бохан Н. А. Пралогические образования в адаптивно-защитной системе у больных с психическими расстройствами непсихотического спектра и в норме (психологическая модель) / НИИ психического здоровья Сибирского отд. Российской акад. мед. наук. Томск: Иван Федоров, 2009. 134 с.
23. Стоянова И. Я. Пралогические образования в норме и патологии: дис. док. психол. наук. Томск, 2007. 303 с.
24. Субботский Е. В. Представления дошкольника о перманентности объекта: вербальное и реальное поведение // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология, 1988. № 3. С. 56–69.
25. Субботский Е. В. Рациональное и феноменальное восприятие дошкольниками некоторых предметных отношений // Вопросы психологии, 1988. № 2. С. 58–69.
26. Фрейд З. Тотем и табу // Фрейд З. Собрание сочинений в 10 томах. Т.9. Вопросы общества. Происхождение религии. М.: ООО «Фирма СТД», 2008.
27. Фрэйзер Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. / Пер. с англ. М. К. Рыклина. М.: Политиздат, 1980.
28. Eckblad M., Chapman L. J. Magical ideation as an indicator of schizotypy // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1983. Vol. 51, № 2. P. 215–225.
29. George L., Neufeld R. W. J. Magical ideation and schizophrenia // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1987. Vol. 55. P. 778–779.
30. Meehl P. E. Manual for use with checklist of schizotypic signs. Minneapolis: University of Minnesota, 1964.
31. Meyer A. Encounter Bay tribe // Woods. The native races of South Australia. P. 199.

32. Spitzer R. L., Endicott J., Gibbon M. Crossing the border into borderline personality and borderline schizophrenia. The development of criteria // Archives of General Psychiatry. 1979. Vol. 36, № 1. P. 17–24.